

Михаил Пойзнер

Мой Козачинский

Первое знакомство с Александром Владимировичем Козачинским и «Зеленым фургоном» – это, конечно, кинофильм, снятый в 1959 г. на одесской киностудии по сценарию выдающегося одессита Григория Яковлевича Колтунова. Для меня, 10-летнего мальчишки с Молдаванки, это было захватывающее кино о приключениях и лихих погонях. Не более того... Мои приятели по старой 20-й школе, что когда-то находилась на Мастерской угол Петропавловской, перебивая друг друга, активно

пересказывали запомнившиеся эпизоды этого фильма. И, кажется, только в году 65-м в читальном зале детской библиотеки на Градоначальницкой мне совершенно случайно подсунули изрядно потрепанную книжку «Зеленый фургон». К этому времени я уже считал себя настоящим одесситом! Теперь «Зеленый фургон» читался уже «одесскими» глазами. Потом я много-много раз читал и перечитывал «Зеленый фургон», прежде всего акцентируя внимание на тех или иных характерных одесских картинках.

Как я сейчас понимаю, первый кинофильм «Зеленый фургон» дает несколько искаженное представление о самой повести.

Здесь больше (значительно больше!) Колтунова, чем Козачинского. Здесь меньше иронии, больше революции. Больше революционной романтики, революционного порыва. В этом смысле вторая экранизация кажется более удачной.

А саму идею написания «Зеленого фургона» одним из первых подсказал Илья Ильф. Так, в письме (13.01.1932 г.) Козачинскому в Гагры, написанном в характерном для него стиле, говорится:

«Дорогой и прочее Саша! Как Ваше здоровье? Этим интересуется полмира. Об этом, кажется, скоро будет печать в «Известиях», в отделе «Котировка иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли, называющейся Гаграми? Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать:

- а) роман из жизни;
- б) воспоминания о себе;
- в) еще что-нибудь интересное.

Это было бы вполне уместно...

Человечество этого ждет.

Не откладывайте. Пишите».

Александр Козачинский откладывал до января 38-го.

Вряд ли кто-то знает, что меткое высказывание Ильфа «...на узкой полоске земли, называющейся Гаграми» Александр Козачинский, чуть перефразируя, потом внес в текст «Зеленого фургона».

Да и сам «Зеленый фургон» не так просто увидел свет.

Предостерегали и Валентин Катаев, и Евгений Петров, и Лев Славин, и Семен Гехт. Многие...

Преследующая болезнь и полное безденежье подавляли и уничтожали его. «Мне неловко обращаться к тебе с денежной просьбой, особенно до того, как выяснится судьба «Зеленого фургона». Однако К. К. (Клавдия Константиновна, мать А. Козачинского. – **М. П.**) осталась без денег, и у меня другого выхода, как обратиться к тебе, хотя я совершенно не представляю себе, из каких источников покрою долг, если «Зеленый фургон» забракует. С этим предупреждением я и обращаюсь к тебе с просьбой одолжить К. К. некоторую удобную для тебя сумму, чтобы она могла перекрутиться до продажи «Зеленого фургона»

и получения аванса...» – писал Козачинский Евгению Петрову (письмо от 15.06.1938 г.).

Тем не менее с публикацией «Зеленого фургона» не торопились. Козачинский снова пишет Евгению Петрову (05.11.1938 г.): «...Я продолжаю находиться в состоянии томления. Снятие «Фургона» огорчило меня чрезвычайно – во-первых потому, что то, что хочешь печатать сегодня, может не понравиться завтра, во-вторых, мне нужно для Литфонда, в-третьих – нужны деньги...».

Пресловутый Литфонд тянул время, продолжал «не замечать» больного Козачинского, оставляя его без пособия, путевок в санаторий, бесплатного питания. Козачинский писал Евгению Петрову (06.03.1939 г.): «...Положение мое, Женя, такое. Каждый туберкулез имеет свое начало и свой конец. Было бы нелепо закрывать глаза на факты. Несмотря на сдержанность моего врага, я отдаю себе отчет в том, что шансов с каждым днем у меня остается все меньше. Год для прогрессирующего туберкулеза последней стадии очень большой срок, а я уже болею около года...»

Из письма Семена Кирсанова Евгению Петрову (20.03.1939 г.): «Я был у Козачинского... Дела его довольно плохи – жалкое состояние быть смертельно больным и лишенным уверенности в жилище и еде... Мне очень жаль Козачинского, для жалости достаточно посмотреть на него и его «лечебную» обстановку...». В письме Льву Славину (01.12.1939 г.) Козачинский говорит о себе: «Я – автор, известный главным образом своими болезнями...». Комментарии здесь излишни...

Несмотря ни на что, у Козачинского получилось штучная вещь!

В Одессе говорят: «...Не бывает второго шанса произвести первое впечатление». Касательно «Зеленого фургона» этого второго шанса, второго переосмысления категорически не потребовалось. Впечатление о «Зеленом фургоне», его героях, нестандартных ситуациях, друзьях и недругах, бесконечной любви к Одессе – это первое впечатление, оно же и последнее.

Для меня «Зеленый фургон» как бы растворился и завис в одесском воздухе. Как учатся ходить, так и я когда-то учился ходить по одесским улицам, опершись на «Зеленый фургон» – на эту надежную выверенную опору. Вот Дерibasовская, вот Преображенская, вот Нарышкинский спуск, Московская, Бажакина,

Балковская... Сопереживая, я шел буквально по пятам за Володей Патрикеевым, сопровождая его на Ставки.

И я тоже отвожу глаза, чтобы не смотреть на то, что мне не нравится в сегодняшней Одессе, – на то, что при всем желании не могу выправить. Точно так же, как и герои Козачинского, спиливающие по ночам (!) акации вдоль тротуаров по улице Белинского «...не столько из-за страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу...». А когда дохожу до Торговой угол Садовой, перед глазами всегда кадры

из первого «Зеленого фургона». На этой лестнице, ведущей в корпус Нового базара, кажется, и сегодня вот-вот столкнешься с коварным Сашкой Червнем или добропорядочным отцом Володи Патрикеева. А может, внезапно мелькнет «...долговязая фигура и веселые глаза цвета ячменного пива», уж очень напоминающие Красавчика...

Одесса Козачинского сочная и живописная, наверное, еще и потому, что написана движением его души. Да и сегодня, чтобы почувствовать его Одессу, много не надо. Надо просто пройтись по нашим улицам – прислушаться, присмотреться, может, лишний раз улыбнуться незнакомому прохожему. Услышать перезвоны 5 или 28 трамваев, разноголосицу Староконного, громкую тишину Сахалинчика, разговорчики в бане на Провиантской или незаметно пристроиться к колонне курсантов какой-нибудь мореходки... чтобы хотя бы услышать «...тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать... одессита...».

Все это незаменимое, одесское...

Не хочется банально пересказывать биографию Александра Владимировича Козачинского – биографию непоследовательную,

остросюжетную, кипучую, жесткую и жестокую. Козачинский с «одесской высоты» посмотрел на свое время – бурное, трагикомическое, непредсказуемое и трепетное. Ко всему он отнесся с нескрываемой иронией – к новой власти, к уголовному розыску, к его только что испеченным сотрудникам, к бандитскому элементу, «...лихо затягивающему воровскую дорожную». Буквально ко всему! Но только не к Одессе! Это не Козачинский, а сама Одесса, не пряча улыбки, относилась (и относится!) к переменам, в принципе, не обещающим ничего хорошего.

Однако не унывать!

Не падать духом, где попало!

Доводить начатое до конца!

Верить в справедливость, но не доверять ей!

И выше голову!

Это, по сути, и есть сам Александр Козачинский!

И может быть, как ни с чем другим, его «Зеленый фургон» перекликается с хрестоматийными строками Владимира Дыховичного: «Ты одессит... а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда...». Со словами, увы, затертыми и не всегда используемыми сегодня по своему первичному назначению. Как тут не вспомнить слова того же Григория Колтунова: «...Учитесь видеть в одесситах рыцарей, у которых за шутилой формой скрыто очень глубокое содержание...». Таких рыцарей, как Александр Козачинский!

«Сохраняя малое, сохраняешь всё...» – гласит народная мудрость. Всегда ли у нас следовали (следуют!) этому? Сколько такого «малого» и таких «малых», как Козачинский, просто упущено, забыто, покрылось молчаливой архивной пылью?! И это в лучшем случае. Много ли мы вообще пытались сохранить и сохранили?!

Что должен был почувствовать я, когда на одном из сайтов, касающихся истории и литературы, прочел: «У меня находится архив писателя Александра Козачинского»? После длительных интенсивных и далеко не равноправных переговоров архив Козачинского оказался в Одессе. Теперь навсегда!

Первое, что в этом архиве мгновенно бросилось в глаза, – фотография его одесского дома на ул. Базарной, 1. Среди сотен фотографий эта фотография была самой потрепанной, самой изношенной... Очевидно, Козачинский никогда не расставался с ней,

держал близко к сердцу... Всегда это фото было с ним – и в Москве, и в Гаграх, и в Новосибирске. Везде... 4 апреля 2015 г. по инициативе Всемирного клуба одесситов на фасаде этого дома установлена мемориальная доска памяти Александра Козачинского.

Александр Козачинский никогда не забывал Одессу. Тянулся к ней...

Так, в письме к писателю Льву Славину, одесситу и другу, он писал (04.10.40 г.): «...Большой Фонтан – как раз то место на земном шаре, где мне больше всего хотелось бы быть... Детство мое протекло на 16 станции, на даче Измайловой. Неужели до сих пор существуют настоящие большефонтанские рыбаки? Есть еще «Золотой Берег», маяк, башня на даче Ковалевского, театр Лигиной, ресторанчик на 16 станции?..»

Чего только стоит этот текст! Одесса всегда была у него внутри...

Может, даже непреднамеренно, скольким он привил любовь к нашему городу?! А сколько вслед за Козачинским повторяли звонкие названия одесских окрестностей – Буялык, Куяльник, Петроверовка, Яновка, Ильинка, Балта и наконец «пыльное торговое местечко» Севериновка. Надо сказать, что и в сегодняшней Севериновке самые памятные и светлые места – места, хоть как-то связанные с «Зеленым фургоном» и Козачинским (не считая, конечно, Северина Потоцкого).

И шутил он тоже по-одесски. В том же письме ко Льву Славину Козачинский писал: «...Должен Вас поблагодарить за рекомендацию, которую Вы мне дали для вступления в Союз (Союз писателей СССР – М. П.), – меня на днях приняли, и теперь в домоуправлении на меня смотрят как на настоящего писателя...».

Он был настоящим писателем.

Он был настоящим во всем.

...После Одессы была Москва со столичной суетой, работа в газете «Экономическая жизнь», новые лица, статьи, репортажи, интервью, фотоотчеты, поездки по стране.

Наследственная болезнь напоминала о себе всюду, связывала, нарушала душевное равновесие... Очень много времени Александр Козачинский проводил в санаториях Подмосковья, Крыма, Кавказа. Но он всегда помнил слова Ильи Ильфа (из того же

письма от 13.01.32 г.): «Жизнь усыпана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками...». Если бы только это...

Надо сказать, что еще до войны были предприняты попытки экранизировать «Зеленый фургон». Тяжелые переговоры с киностудией «Ленфильм» длились с октября 1940 г. по июль 1941 г. (!). Десятки раз перерабатывался сценарий (предположительное название «Первый выстрел»), введены новые герои, новые сюжетные линии, новые мотивировки... То требовали дополнения, то – сокращения... То сохранить, то переделать... Козачинскому пытались напомнить то, чего не было. Упрекали, мол, должна быть «...намечена тема «издыхания» преступного мира в нашей стране, резкого сокращения уголовных преступлений». Мол, «...основная тема сценария – прославление стойкости, мужества, пронизательности и героизма работников уголовного розыска» (из писем сценарного отдела «Ленфильма» 03.03 и 20.03.1941 г.). Хотя Козачинский заранее предупредил (24.10.1940 г.): «...Я надеюсь, что студия не будет смотреть на этот фильм как на трактат о работе угрозыска?». С чем-то он соглашался, что-то категорически не воспринимал. В итоге Комитет по кинематографии СССР принял окончательное решение (26.04.1941 г.): «...Не считаем возможным утвердить сценарий тов. Козачинского «Первый выстрел» как не отвечающий тем идейным задачам, которые сейчас стоят перед Советским киноискусством».

К несправедливости он уже привык.

Несправедливость преследовала его.

Он не хотел подстраиваться «под идеологические задачи текущего момента». Ему не давали сосредоточиться, мешали писать и думать о высокой литературе...

Потом была война и эвакуация.

Холодный и замерзший Новосибирск. Не отапливаемая сырая квартира. Дали то, что было под руками, лишь бы отделаться... Многочисленные просьбы «...помочь с проживанием тяжело больному писателю» и предоставить «...жилплощадь, обеспечивающую нормальные условия больному» так и остались безответными... Не достучались ни писатель Евгений Петров, ни Союз писателей СССР, ни сам Александр Фадеев.

В письме к известной писательнице Александре Бруштейн Козачинский писал (13.03.1942 г.): «...Живу я довольно грустно. Поправляюсь, по совести говоря, неважно, и чувствую себя виноватым перед друзьями, которые любят бодрых больных, быстро выздоравливающих и оправдывающих заботы и попечения о них. Все дело в том, что Глыбин (должностное лицо Новосибирского горсовета. – М. П.) таки заморозил меня в домике на Свердлова (домашний адрес Козачинских – ул. Свердлова, 29. – М. П.), и теперь мне трудно одолевать болезнь и надвигающуюся весну... Но я не падаю духом...»

До весны он не дожил.

8 января 1943 г. Александра Козачинского не стало. Ему было отмерено всего 39 лет. До боли жалко...

Умирал в одиночестве, практически забытый всеми...

Слезы матери Клавдии Константиновны да стандартный некролог в газете «Советская Сибирь». Похороны на Заельцовском кладбище Новосибирска «...за счет государства с выплатой матери единовременного пособия в размере 3 000 руб».

Печально, но факт...

...Больше шести лет мы пытались найти могилу Александра Козачинского. Все же прошло достаточно много лет со дня его смерти. Всемирный клуб одесситов обратился в Новосибирск, на сайт «Библиотека сибирского краеведения» – «Помогите разыскать могилу писателя Александра Козачинского».

Я писал: «Козачинский так или иначе вошел в историю Одессы и Новосибирска. Помогите Одессе! Хочется верить, что в Новосибирске найдутся равнодушные люди. Как говорят в Одессе: «Родина вас забудет, а мы – нет».

А время шло...

Помог случай. Среди сотен записей, отдельных неразборчивых бумаг и многочисленных писем, адресованных Клавдии Константиновне Козачинской, нашлось письмо от 15.09.49 г. из Новосибирска в Москву (автор некая Е. Сперанская) с бесценной информацией. Текст, написанный неровным почерком, твердым карандашом, со временем по большей части выцвел... Но все же:

«...Были мы на кладбище. Александр похоронен в 32 квартале.

Конечно, все запущено. Могильный холм осел, так что плита лежит почти на земле. Все заросло сорняком, но и ограда, и плита, и памятник целы. Говорила с могильщиками, чтобы привести все в полный порядок, просят 150 рублей. Теперь-то я лично найду могилу Александра... Наша примета – могила летчика, на ней ничего не стоит, а вот совсем недалеко через несколько только метров стоит точно такой же памятник... И это не в начале, а в середине кладбища.

В общем, если Вы годик поживете поэкономнее или на зиму пустите к себе студента на квартиру, то Вам хватит на поездку в Новосибирск...»

Клавдии Константиновне не хватило ни денег, ни здоровья...

Значит, все-таки 32 квартал (!), а не 26, на котором первоначально было сосредоточено основное внимание.

В Новосибирске нашлись безразличные люди.

Неимоверными усилиями Лидии Мацько-Королевой и ее мужа Сергея могила Александра Козачинского была найдена (5 мая

2019 г.), приведена в порядок и отмечена в электронной базе данных Заельцовского кладбища. Низкий поклон мэрии Новосибирска за понимание и помощь в этом вопросе.

Отныне могила Александра Козачинского будет внесена в реестр памятников регионального значения России.

Отныне на реставрированном памятнике навсегда будет начертано: «Автору повести «Зеленый фургон» благодарная Одесса».

Для кого-то Одесса начиналась с «Зеленого фургона».
Для кого-то Одесса начинается с «Зеленого фургона».
Для кого-то Одесса продолжается с «Зеленым фургоном».
А Козачинский принадлежит всем...

